

"Ты всего лишь окружной судья, сидишь на такой грязи, думаешь, ты способен осквернить уши Святого Духа?"

Слова императора Хана были грубыми, полностью переживающими жесткость митрополичьего двора как дисциплинарного отдела.

Ши Чжисянь вздрогнул от злости и указал на Хань Чэнке: "Я - губернатор района? Тогда сколько у тебя оценок? Было бы так же хорошо, если бы вы, господин Хань, имели более высокий ранг, чем мой чиновник, но вы только из седьмого ранга, и вы из высшего ранга, и вы осмеливаетесь взять Меня?".

Как только он позвал, судья немедленно окружить его и защитить его от офицеров и солдат столичного магистратского суда, принимая заслуженного хозяина графства.

Хань Чэнке привез с собой только семь-восемь офицеров и солдат, но не ожидал, что магистрат будет сопротивляться аресту.

Точно так же Ши Чжисянь не ожидал, что та же самая седьмая официальная имперская история, все еще маленький цензор, осмелится проигнорировать официальные правила и распорядиться о своем собственном аресте!

Какое-то время ситуация заходила в тупик.

Обе стороны смотрели друг на друга большими глазами, и люди также смотрели друг на друга, ошеломленные и безмолвные.

В конце концов, Ши Чжисянь, опасаясь, что все станет некрасиво, первым уступил, и он подошел с хмурым взглядом и прошептал: "Господин Хань, ты знаешь, что ты делаешь"?

Хань Чэнке справедливо сказал: "Конечно, я знаю, я расследую коррупцию, чтобы очистить бюрократию для императора"!

Получив доверие императора и будучи нанятым в качестве Императорского Историка, Хан Чэнке все больше и больше использует свою жизнь для выполнения своей работы, его не волнуют эти дерьмовые правила бюрократии и подполья!

У Ши Чжисяня голова немного закружилась, как будто он ударился головой вяза.

Он продолжал понижать голос: "Это правило, которое передавалось в течение ста лет в официальном владении, и вы хотите его нарушить? Ты знаешь, сколько чиновников Да Мин будут оскорблены этим шагом? Советую немедленно отстранить лошадь, не разрушать карьеру и приглашать к катастрофе!"

Хан Чэнке был полон ярости, еще одно официальное правило!

Именно такое нарушение правил в то время позволило этим ответственным чиновникам чуть ли не выебать себя!

Под вниманием Ваньмина он слышал только, как Хан Чэнке трясет рукавной халат и холодно говорит: "Лучше поберегите эти правила для разговора со столичным судом!".

Такой новичок в чиновничестве, скучный, сделал Ши Чжисяня очень раздражительным, и он яростно сказал: "Ты всего лишь маленький ученый со скромным прошлым, мой чиновник

посоветовал тебе быть благоразумным"!

Лицо Хан Чэнке слегка изменилось, его судьбой было образование, требования чиновничества да Мин были очень высоки, большинство из них родились как джинши, чтобы стать магистратом и другими местными чиновниками.

Согласно новому стилю обучения и императорскому экзамену, цитирование сейчас ничего не стоит, даже меньше, чем раньше, до тех пор, пока студент закончил национальный университет, все они имеют статус цитирования.....

Поскольку обе стороны имеют один и тот же ранг, Хань Чэнке, и нет ордера на арест, выданного столичным судом, никто ничего не может с этим поделать, сцена когда-то была в густой атмосфере как смущения, так и пороха.

Обычно, в такой ситуации, когда новички клевают друг друга и долго стоят, не делая ни шагу, нужно сделать большой шаг, чтобы сломать ситуацию.

Конечно, Чу Цзы Лонг сделал шаг вперед.

Он посмотрел на судью вызывающим жестом и спросил: "Что не так с подъемником? Я лично рекомендую цензуру, и она не более весома, чем маленький джинши вроде тебя?"

Услышав, как он называет себя "Я", Ши Чжисянь был подсознательно потрясен: "Кто ты?".

Чжу Цзы Лонг фыркнул: "За кого ты меня принимаешь?"

Первое, что тебе нужно знать, это то, что ты не можешь быть слишком уверен в том, что ты делаешь, и ты не можешь быть слишком уверен в том, что ты делаешь", - сказал он.

Хань Чэнке также отреагировал, взволнованно подошел, чтобы отдать дань уважения: "Мой скромный слуга отдает дань уважения Его Величеству, Да здравствует Его Величество!".

Люди были еще более шокированы, а затем приветствовали и салютовали. Испуганный и трепетный Ши Чжисянь побледнел и встал на колени на месте.

Чжу Цзы Лонг столкнулся с народом и поднял руки в виртуальной манере: "Все расплущились, я видел сегодня хорошее шоу!"

Народ встал с радостью, все были в возбужденном настроении, услышали, что Император доволен микро-платьем, никогда не думали, что сегодня их встретят!

Это больше, чем хорошее шоу, это шоу года!

На данный момент в комнате в депрессии находится только Ши Чжисянь.

Чжу Цзы Лонг подошел к нему с отрицательной рукой и сказал: "Ши Чжисянь, твое имя выглядит довольно богатым, почему твоя семья так бедна, что тебе приходится жить за счет эксплуатации людей"?

Сердце Стейгуя было потрясено, и он был занят объяснением: "Ваше Величество заблуждается, Ваш покорный слуга посвящен династии страны и ни в коем случае не осмеливается быть развращенным, сии излишки собранного зерна - это все убытки от имени императорского двора".

"Странно!"

Чжу Цзы Лонг сказал: "Я сказал десять лет назад, что я отменю все различные налоги на людей, кроме основного налога, что это за налог, который вы взимаете за убытки? Я когда-нибудь получал приказ сделать это? Есть ли у суда официальный документ, который вы можете получить?"

"Нет... Нет..."

Стегуй отступил назад, он никогда не осмелился бы бросить припадок на императора и двор.

Чжу Цзы Дун внезапно пнул Стегуя, сбил его с ног, и холодным голосом спросил: "Тогда сколько это действие значит?"

Этим он пнул людей в сердце и душу!

Все встало на свои места, и Ши Тайгуй знал, что бесполезно что-либо говорить, поэтому ему пришлось встать на колени и признать свою вину: "Я знаю преступление..."

Чжу Цзы Лонг спросил: "Ши Тайгуй, скажи, сколько у тебя годовая зарплата?"

Я не уверен, что смогу себе это позволить, но уверен, что смогу себе это позволить в будущем.

Чжу Цзы Лонг хрюкнул: "Помимо зарплаты, суд будет ежегодно выделять тебе административные расходы, государственные средства для компенсации, избавляя тебя от найма учителей, экипажей и лошадей, а также от множества других расходов, разве этих зарплат недостаточно для того, чтобы ты мог прокормить свою семью?"

Обращение с чиновниками Небесной Династии было намного лучше, чем до Великого Минга, а согласно грубым преобразованиям, оно было, по крайней мере, в три раза лучше!

Конечно, лечение было невысоким, эквивалентным примерно пяти тысячам юаней ежемесячного дохода, только этого было достаточно для того, чтобы чиновники могли покрыть свои прожиточные и общие расходы.

Поскольку официальная зарплата выдается за еду, то чем благополучнее, тем дешевле цены на продукты питания, а также обращение с чиновниками также замаскировано сократилось.

Во времена хаоса цена на продукты питания высока, а скидка на серебро тоже больше, нормальная будет удвоена.

Перед лицом императора Ши Чжисянь не осмелился сказать ему в лицо, что его зарплаты недостаточно для того, чтобы тратить, или что он любит только деньги, поэтому он мог только признать свою вину.

Но перед лицом императора Тяньву, полезно ли признать свои ошибки?

Взгляд Чжу Цзы Лонга был жутким, когда он смотрел на него: "На какие "правила" ты только что ссылался? Ты собираешься каждый год посылать траур на вершину или что-то в этом роде?"

Холодный пот округа Ши Чжи, паника в ответ, "Нет.... Нет никаких правил, пинать дендро - это собственный доход грешного священника, и я признаю свою вину!"

Даже если его казнят на месте, Стейгуй не осмеливается рассказать об этом императору, иначе он действительно попадет в то, что только что угрожал ханьскому императорскому историку, названному "невозвращением".

Так же, как брат, который был пойман полицией, хотя он знал, что его приговор был серьезным, он не осмелился ничего сказать, потому что он боялся, что люди найдут его в беде, более серьезные неприятности, чем приговор. (Торговля порохом противозаконна, и каждый несет ответственность за уборку улиц.)

Чжу Цзы Лонг видел, каким упрямым был Ши Чжисянь, и все больше злился, поэтому он не мог не взять его на донг и закричал: "Разве ты не хочешь этого зерна? Вот, ешь!"

Ши Чжисиань лежал на земле, уставившись на бесплодное зерно перед ним, его глаза широко распахнулись, когда он дрожал: "Ваше Величество..... Ваше Величество... Они сырые..."

Чу Цзы Лонг закричал: "Ешь! Съешь его сырым для меня!"

Чёрт!

Зрители, в том числе Хан Чэнке и группа магистратов, были потрясены рукой императора.

Зерно было вещью с обернутой вокруг грубой скорлупой, и его нельзя было приготовить, не почистив его и не положив в кастрюлю, так что если его съесть сырым, то нельзя было сказать, как оно будет выглядеть!

Естественно, Чжу Цзы Лун не стал бы делать такую грубую работу по кормлению, но с волной руки, Сюй Шэн сразу же подошел, чтобы сменить смену.

Как только он это сделал, Сюй Шэн сразу же подошел, чтобы освободить его от обязанностей, и без пощады, особенно к такому старику, он прямо взял Ши Чжигуна и толкнул его голову в кучу зерна на земле, чтобы физически накормить его.

Лицо Ши Тайгуя было наполнено зерном, а его рот все еще кричал горсткой, поэтому он не осмеливался сопротивляться указу и был вынужден жевать.

Зерно, которое не отслаивалось, не было ничем человеческим, особенно это высушенное на солнце, трудно жевать.

Не было ни гарнира, ни воды, и после нескольких укусов Стейгуй уже не мог с этим справиться, и его шею щипали и вызывали тошноту.

Чжу Цзы Лонг все еще не успокоился и холодным голосом сказал: "Дайте ему съесть все то, что он выгнал, и дайте мне достаточно еды!"

"Как приказано!"

Сюй Шэн перестал заикливаться на кормлении и сразу же сбил черную шляпу магистрата, схватив одну руку за голову, схватив с земли большую горсть зерна и засунув его в рот Стейгую с другой.....

Его методы были жестокими и жестокими, он был лучшим в кормлении!

<http://tl.rulate.ru/book/41393/1092205>